

Честный вор — эпизод 6 из 7

Точно это, примерно сказать, сын родной меня обокрал да обиду кровную мне причинил. Ах, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недели с две без просыпу пьет. То есть остервенился совсем, опился. С утра уйдет, придет поздней ночью, и в две недели хоть бы слово какое я от него услышал. То есть, верно, это его самого тогда горе загрызло, или извести себя как-нибудь хотел. Наконец, баста, прекратил, зная, всё пропил и сел опять на окно. Помню, сидел, молчал трое суток; вдруг, смотрю: плачет человек. То есть сидит, сударь, и плачет, да как! то есть просто колодезь, словно не слышит сам, как слезы роняет. А тяжело, сударь, видеть, когда взрослый человек, да еще старик человек, как Емеля, с беды-грусти плакать начнет.

Что ты, Емеля? говорю.

И всего его затрясло. Так и вздрогнул. Я, то есть, первый раз с того времени к нему речь обратил.

Ничего... Астафий Иванович.

Господь с тобой, Емеля, пусть его всё пропадает. Чего ты такой совой сидишь? Жалко мне стало его.

Так-с, Астафий Иванович, я не того-с. Работу какую-нибудь хочу взять, Астафий Иванович.

Какую же бы такую работу, Емельян Ильич?

Так, какую-нибудь-с. Может, должность какую найду-с, как и прежде; я уж ходил просить к Федосею Ивановичу... Нехорошо мне вас обижать-с, Астафий Иванович. Я, Астафий Иванович, как, может быть, должность-то найду, так вам всё отдам и за все харчи ваши вам вознаграждение представлю.

Полно, Емеля, полно; ну, был грех такой, ну и прошел! Прах его поberi! Давай жить по-старому.

Нет-с, Астафий Иванович, вы, может быть, всё, того... а я ваших рейтуз не изволил брать...

Ну, как хочешь; господь с тобой, Емельянушка!

Нет-с, Астафий Иванович. Я, видно, больше у вас не жилец. Уж вы меня извините, Астафий Иванович.

Да господь с тобой, говорю: кто тебя, Емельян Ильич, обижает, с двора гонит, я, что ли?

Нет-с, неприлично мне так жить у вас, Астафий Иванович... Я лучше уж пойду-с...

То есть разобиделся, наладил одно человек. Смотрю я на него, и вправду встал, тащит на плеча шинелишку.

Да куда ж ты, этово, Емельян Ильич? послушай ума-разума: что ты? куда ты пойдешь?

Нет, уж вы прощайте, Астафий Иваныч, уж не держите меня (сам опять хнычет); я уж пойду от греха, Астафий Иванович. Вы уж не такие стали теперь.

Да какой не такой? такой! Да ты как дитя малое, неразумное, пропадешь один, Емельян Ильич.

Нет, Астафий Иваныч, вы вот, как уходите, сундук теперь запираете, а я, Астафий Иваныч, вижу и плачу... Нет, уж вы лучше пустите меня, Астафий Иваныч, и простите мне всё, чем я в нашем сожителстве вам обиду нанес. Что ж, сударь? и ушел человек. День жду, вот, думаю, воротится к вечеру нет! Другой день нет, третий нет. Испугался я, тоска меня ворочает; не пью, не ем, не сплю. Обезоружил меня совсем человек! Пошел я на четвертый день ходить, во все кабачки заглядывал, спрашивал нет, пропал Емельянушка! Уж сносил ли ты свою голову победную? думаю. Может, издох где у забора пьяненький и теперь, как бревно гнилое, лежишь. Ни жив ни мертв я домой воротился. На другой день тоже идти искать положил. И сам себя проклиная, зачем я тому попустил, чтоб глупый человек на свою волю ушел от меня. Только смотрю: чем свет, на пятый день (праздник был), скрипит дверь. Вижу: входит Емеля: синий такой и волосы все в грязи, словно спал на улице, исхудал весь, как лучина; снял шинелишку, сел ко мне на сундук, глядит на меня. Обрадовался я, да пуще прежнего тоска к моей душе припаялась. Оно вот как, сударь, выходит: случись, то есть, надо мной такой грех человеческий, так я, право слово, говорю: скорей, как собака, издох бы, а не пришел. А Емеля пришел! Ну, натурально, тяжело человека в таком положении видеть. Начал я его лелеять, ласкать, утешать. Ну, говорю, Емельянушка, рад, что ты воротился. Опоздал бы маленько прийти, я б и сегодня пошел по кабачкам тебя промыслять. Кушал ли ты?

Кушал-с, Астафий Иваныч.

Полно, кушал ли? Вот, братец, щец вчерашних маленько осталось; на говядине были, не пустые; а вот и лучку с хлебом. Покушай, говорю: оно на здоровье не лишнее.

Подавал я ему; ну, тут и увидал, что, может, три дня целых не ел человек, такой аппетит оказался. Это, значит, его голод ко мне пригнал. Разголубился я, на него глядя, сердечного. Сем-ка, я думаю, в штофную сбегая. Принесу ему отвести душу, да и покончим, полно! Нет у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принес винца. Вот, говорю, Емельян Ильич, выпьем для праздника. Хочешь выпить? оно здорово.

Протянул было он руку, этак жадно протянул, уж взял было, да и остановился;

подождал маленько; смотрю: взял, несет ко рту, плескает у него винцо на рукав. Нет, донес ко рту, да тотчас и поставил на стол.

Что ж, Емельянушка?

Да нет; я, того... Астафий Иваныч.

Не выпьешь, что ли?

Да я, Астафий Иваныч, так уж... не буду больше пить, Астафий Иваныч.

Что ж, ты совсем перестать собрался, Емельюшка, или только сегодня не будешь?

Промолчал. Смотрю: через минуту положил на руку голову.

Что ты, уж не заболел ли, Емеля?

Да так, нездоровится, Астафий Иваныч.

Взял я его и положил на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горит, а самого трясет лихорадкой. Посидел я день над ним; к ночи хуже. Я ему квасу с маслом и с луком смешал, хлебца подсыпал. Ну, говорю: тюри покушай, авось будет лучше! Мотает головой. Нет, говорит, я уж сегодня обедать не буду, Астафий Иваныч. Чаю ему приготовил, старушоночку замотал совсем, нет ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошел я на третье утро к врачу. У меня тут медик Костоправов знакомый жил.